

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический институт
кафедра уголовного процесса и криминалистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ А.Д. Назаров
подпись
« ____ » _____ 2020г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 «Юриспруденция»

Процессуальная самостоятельность следователя: в законе и на практике.

Руководитель

подпись, дата

ст. преподаватель, к.ю.н.

должность, ученая степень

О.Г. Иванова

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

Н.А. Беляев

инициалы, фамилия

Красноярск 2020

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Понятие и пределы процессуальной самостоятельности следователя.	6
1.1. Понятие процессуальной самостоятельности следователя.....	6
1.2. Пределы процессуальной самостоятельности следователя.	18
Глава 2. Процессуальная самостоятельность следователя при взаимодействии с различными субъектами уголовного процесса.....	24
2.1. Процессуальная самостоятельность следователя при взаимодействии с прокурором.....	25
2.2. Следователь и руководитель следственного органа: проблемы взаимодействия.....	34
2.3. Процессуальная самостоятельность следователя и судебный контроль	43
Заключение	53
Список источников	56

Введение

Реализация процессуальной самостоятельности следователя способна дать реальную гарантию законности и обоснованности принимаемых им решений в уголовном процессе. При обеспечении такой самостоятельности следователь может действовать на основании внутреннего убеждения, основываться на собственном мнении, а не подчиняться указаниям свыше.

«Процессуальная самостоятельность следователя является важнейшим элементом его уголовно-процессуального статуса, которое заключается в независимом принятии процессуальных решений по уголовному делу, проведении следственных и иных процессуальных действий.»¹

Актуальность выбранной темы определяется тем, что некоторые проблемы, имевшие место в период применения УПК РСФСР, своего разрешения так и не нашли. К их числу следует отнести проблему процессуальной самостоятельности следователя, которая сегодня обнажилась особенно остро и вызвала оживленную дискуссию о роли следователя в достижении цели судопроизводства и насколько он свободен в решении стоящих перед ним задач. Кроме того, с внесением изменений 2007 года бывшее влияние прокурора на следователя было законодательно снижено, однако часть его полномочий перешла руководителю следственного органа и суду.

Объектом исследования является законодательство, правоприменительная практика, труды ученых, посвященные изучению общественных отношений, урегулированным посредством уголовно-процессуального законодательства, содержанием которых выступает процессуальная самостоятельность следователя в рамках предварительного следствия.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, ведомственные нормативные акты,

¹ Мкртчян В. Г. Процессуальная самостоятельность следователя [Электронный ресурс] / В. Г. Мкртчян // Право: история, теория, практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). — СПб.: Свое издательство, 2015. — С. 126-129.

следственная практика, а также различные мнения, выраженные в научно-публицистической литературе, посвященные проблемным аспектам процессуальной самостоятельности следователя.

Целью работы является исследование процессуальной самостоятельности следователя и факторов, ограничивающих ее, в уголовном процессе и формирование предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения поставленной цели, необходимо выполнить следующие задачи:

- определить понятие и содержание процессуальной самостоятельности следователя в уголовном судопроизводстве

- определить пределы процессуальной самостоятельности следователя при осуществлении им предварительного следствия

- исследовать взаимодействие следователя и прокурора в рамках предварительного следствия на предмет факторов, нарушающих процессуальную самостоятельность следователя

- исследовать взаимодействие следователя и руководителя следственного органа в рамках предварительного следствия на предмет факторов, нарушающих процессуальную самостоятельность

- исследовать взаимодействие следователя и суда в рамках предварительного следствия на предмет факторов, нарушающих процессуальную самостоятельность

Теоретическую базу исследования составляют научные труды, в том числе в области уголовного процесса, посвященные проблемным аспектам процессуальной самостоятельности следователя.

Значительный вклад в теоретическую базу рассматриваемой темы внесли в своих диссертационных исследованиях А. А. Клейн, (Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователя органов внутренних дел: дис. канд. юрид. Наук. Волгоград, 2000), А. Р. Вартанов (Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по

УПК РФ: дис. ... канд. Юрид. Наук. Краснодар, 2012), Б. Б. Степанов (Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений: сравнительно-исторический аспект: дис. ... канд. юрид. Наук Н. Новгород, 2006).

Нормативную базу исследования составляют Конституция РФ, законодательство Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Эмпирическую базу исследования составляют решения судов общей юрисдикции, в которых рассматривались споры, предметом которых было взыскание в порядке регресса распорядителем бюджетных средств со следователя компенсацию за незаконное уголовное преследование лица (10 решений), приказы о дисциплинарной ответственности следователей Красноярского края (не менее 50 приказов), акты судов общей юрисдикции о рассмотрении или возвращении жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ, 10 уголовных дел, в рамках которых производилось обжалование действий (бездействий) следователя в порядке статьи 124 УПК РФ, также применена личная практика обжалования действий следователя в порядке статьи 124-125 УПК РФ.

В настоящей работе использовались общенаучные и частно-научные методы исследования: анализ, синтез, исторический метод, сравнительно-правовой метод, формально-логический и другие.

Настоящее исследование включает в себя введение, две главы, состоящие из пяти параграфов, заключение, список использованных источников.

Глава 1. Понятие и пределы процессуальной самостоятельности следователя.

Определение процессуальной самостоятельности и ее пределов очень важно, как для научной, так и для правоприменительной деятельности. По некоторым подсчетам, 85 процентов из числа следователей различных органов считают, что процессуальная самостоятельность существенно ограничена и на практике не реализуется.²

1.1. Понятие процессуальной самостоятельности следователя.

К определению процессуальной самостоятельности у российских процессуалистов нет единого подхода, поэтому содержание названного термина является одной из важных проблем уголовного процесса. Осложняется это еще и тем, что ни в действующем уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, ни в уголовно-процессуальном кодексе РСФСР не содержится законодательного определения рассматриваемого термина.

Так, согласно пункту 1 статьи 127 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в редакции от 18 мая 1995 года, следователь, при производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и производстве следственных действий принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение.

Практически аналогичная формулировка содержится и в пункте 3 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где говорится о полномочии следователя «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия

² Арсенова, Т. Б. Процессуальная самостоятельность следователя: понятие и пределы / Т. Б. Арсенова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. - № 6. С. 75

руководителя следственного органа». Если сравнить приведенные формулировки устаревшего и действующего законодательства, то принципиальным отличием в ныне действующем уголовно-процессуальном кодексе в том, что часть полномочий прокурора передана суду либо руководителю следственного органа.

В ситуации, когда отсутствует законодательное определение, необходимо обратиться к мнению ученых-процессуалистов. Однако и в таком случае определить содержание термина «процессуальная самостоятельность» удастся не сразу. Дело в том, что у исследователей процессуального законодательства не существует единой точки зрения на рассматриваемый термин.

Так, А. А. Клейн, рассуждая о сущности процессуальной самостоятельности, пишет, что одни исследователи считают, что совокупность норм права, регламентирующих процессуальную самостоятельность следователя образуют определенный правовой институт; другие названную совокупность определяют как одно из общих условий производства предварительного следствия; третьи же считают, что процессуальная самостоятельность не что иное как законодательно определенные руководящие положения, которые, в свою очередь, являются принципами предварительного следствия.³

Б. Б. Степанов относится к третьей из названных категорий исследователей, рассматривая процессуальную самостоятельность следователя как принцип уголовного судопроизводства. Согласно его позиции, процессуальная самостоятельность означает возможность следователя «изначально самостоятельно» принимать решения, даже тогда, когда требуется согласие прокурора или разрешение суда. Для реализации этого принципа, по его мнению, «Не должно быть никаких обязательных предварительных согласований, коррективов с вышестоящими руководителями, прокурорами, судьями. Это позволит следователю реализовать свое внутреннее убеждение в

³ Клейн, А. А. Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователя органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.09 / Андрей Александрович Клейн. – Москва, 1992.– с. 14-15

полной мере, что обеспечит ему возможность не только принимать решения, соответствующие его внутреннему убеждению, но и не принимать иного, противоречащего его убеждению решения».⁴

Процессуальная самостоятельность следователя должна рассматриваться как принцип уголовного судопроизводства, как основа для процессуальных действий следователя в уголовном процессе. Названный принцип должен раскрываться в отдельных статьях уголовно-процессуального законодательства, стать предпосылкой для регулирования по уголовным делам и специфики правового положения следователя как участника процесса, являться основой для развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства.⁵

А. Р. Вартанов, размышляя о сущности процессуальной самостоятельности, рассматривает этот термин в сравнении с принципом процессуальной самостоятельности следователя, независимостью следователя, усмотрением следователя, а также с ответственностью следователя. По его мнению, процессуальная самостоятельность – это право следователя по своему усмотрению, основанному на свободной оценке доказательств, принимать решения и осуществлять действия по установлению события преступления и обстоятельств его совершения, возбуждению уголовного дела и направлению хода расследования, производству следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение разрешения суда, в целях достижения назначения уголовного судопроизводства. Стоит отметить, что под усмотрением следователя автор понимает выбранный следователем вариант процессуального участия из законных и возможных альтернативных вариантов.

⁴ Степанов, Б. Б. Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений (сравнительно-исторический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Степанов Борис Борисович. – Нижний Новгород, 2006. – с. 19

⁵ Вздорова, Л. П. Процессуальная самостоятельность следователя / Л. П. Вздорова // Terra Economicus. - 2011. - № 3. – С. 167.

Помимо названных в предыдущем абзаце элементов процессуальной самостоятельности А. Р. Вартанов в своей диссертации выделяет следующие элементы: 1) возможность отстаивать свое мнение, складывающееся в процессе предварительного следствия; 2) процессуальная активность следователя; 3) гарантии законности, обоснованности и своевременности принимаемых следователем решений и проводимых действий; 4) ведомственный контроль, прокурорский надзор, а также судебный контроль за законностью решений следователя и осуществляемым им действиям; 5) персональная ответственность следователя за соблюдение им законности, обоснованности и своевременности принимаемых решений и производимых действий.⁶

К. В. Грохольский под процессуальной самостоятельностью следователя понимает зафиксированный нормами действующего законодательства процессуальный статус, правами и обязанностями которого наделяется следователь для принятия решений по находящимся в производстве у него уголовных дел и материалов проверок самостоятельно и по своему внутреннему убеждению, совести и долгу, отвечая в полной мере за их законность, обоснованность и справедливость.⁷

На основе вышеуказанного, можно выделить 2 точки зрения на сущность процессуальной самостоятельности следователя, а именно: существует ряд исследователей, поддерживающих точку зрения о том, что процессуальная самостоятельность не что иное, как право следователя, второй подход к определению сущности рассматриваемого понятия определяет ее как право и обязанность.

Но, помимо указанных мнений, существует и третья позиция. Так, с точки зрения А. Н. Огородова, процессуальная самостоятельность следователя является его обязанностью самостоятельно направлять ход расследования,

⁶ Вартанов, А. Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.09 / Вартанов Артюн Рафикович. – Краснодар. – 2012. – с. 9-10

⁷ Грохольский, К. В. Понятие и сущность процессуальной самостоятельности следователя / К. В. Грохольский // Ученые записки: сборник научных трудов юридического факультета Оренбургского государственного университета. – Оренбург, 2004. Выпуск 1. С. 185.

принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действия, за исключением случаев предусмотренных в пункте 3 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.⁸

Схожей позиции придерживается и Т. Б. Арсенова, которая считает, что процессуальная самостоятельность следователя не ограничивается правом следователя принимать решения о направлении расследования находящегося у него в производстве уголовного дела. Помимо указанного, автор определяет рассматриваемый термин еще и как обязанность принимать решения согласно своему внутреннему убеждению.⁹ Весьма понятная позиция Т. Б. Арсеновой, ведь сложно говорить о процессуальной самостоятельности, если следователь, принимает свои решения, не имея внутреннего убеждения в необходимости таковых. Именно такие ситуации, препятствующие самостоятельно реализовать свое право, посягающие на внутреннее убеждение, и являются пагубными и препятствующие для реализации процессуальной самостоятельности следователя – полномочием следователя, установленного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Кроме того, процессуальную самостоятельность в литературе часто определяют как необходимое условие эффективности работы следователя, поскольку отвечать за свою деятельность субъект может и должен тогда, когда сам принимает руководящие решения.

Ученые-процессуалисты нередко рассматривают взаимосвязь процессуальной самостоятельности и полномочий. В науке «полномочие» определяется учеными по-разному. Одни считают, что полномочие – это совокупность прав и обязанностей, другие – лишь прав, третьи считают, что полномочие несет только обязанности. Последняя позиция представляется ошибочной, ведь если мы говорим о процессуальной самостоятельности лишь

⁸ Огородов, А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : монография / А. Н. Огородов. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2018. – с. 28

⁹ Арсенова, Т. Б. Процессуальная самостоятельность следователя: понятие и пределы / Т. Б. Арсенова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. - № 6. С. 76

как об обязанности, то само по себе такое определение сущности названного термина ограничивает его. Не может быть самостоятельность – обязанностью. Можно говорить в плоскости с обязанностью, но только в том случае, если мы говорим об обязанности не нарушать другими участниками уголовного судопроизводства процессуальную самостоятельность следователя. В ином случае – это противоречие не только уголовно-процессуальным нормам, но и русскому языку.

На первый взгляд, все очевидно: процессуальная самостоятельность следователя является, по своей сути, и правом, и обязанностью одновременно.

Это подтверждается и законодательной конструкцией статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В части второй названной статьи говорится: «Следователь уполномочен». Полномочие в данном контексте говорит и о праве, и об обязанности, ведь если бы законодатель хотел закрепить что-то одно, то он бы указал, вправе следователь или обязан совершать те или иные действия. В частности, это подтверждается и наличием таких формулировок в действующем процессуальном законодательстве. Примером могут служить статьи 154, 181, 192, 197, 205 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в которых говорится, что следователь «вправе» совершать различные действия. Помимо этого, есть законодательные конструкции, содержащие словосочетания «может быть», например, статьи 185, 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Есть же указания в законе и на противные ситуации, когда конструкция статьи либо ее части дает понимание о том, что это положение является обязанностью. Такова конструкция статей 146, 172, 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Исходя из сказанного выше, считаю, что законодатель, говоря о полномочиях следователя, имеет в виду совокупность прав и обязанностей, которыми следователь распоряжается согласно закону и внутреннему убеждению.

Однако это не опровергает и не противоречит позиции С. Ф. Шумилина¹⁰, который считает, что следователь обязан оценить следственную ситуацию и согласно названной ему необходимо установить, каким образом он вправе или обязан действовать.

Говоря о процессуальной самостоятельности следователя, следует обратиться к понятию процессуальной независимости следователя. Некоторые процессуалисты опровергают существование такого термина, ввиду поднадзорности и подконтрольности, имеющих характер процессуального принуждения. Другие исследователи, считают, что существование процессуальной независимости следователя – важное условие гарантии процессуальной самостоятельности следователя. Третьи же считают, что понятия процессуальной самостоятельности и процессуальной независимости сходными.

Говорить о не существовании процессуальной независимости и согласиться с процессуалистами, которые придерживаются первой позиции невозможно. Вторая точка зрения верная, однако, не соотносит рассматриваемые термины. По моему мнению, последняя позиция наиболее точно отражает сущность процессуальной независимости и самостоятельности. Абсолютно верно акцентировать внимание на сходность этих терминов, ведь все-таки они не тождественны, но и не разные по своей сущности. Понятие процессуальной самостоятельности шире понятия процессуальной независимости и охватывает его. Если изобразить рассматриваемые понятия с помощью кругов Эйлера, то самым большим кругом будет процессуальная самостоятельность, а круг, охватываемый большим, будет понятие процессуальная независимость.

Рассуждая о значимости процессуальной самостоятельности, не стоит забывать и об ответственности следователя за проведение расследования. Именно следователь, не руководитель следственного органа и не прокурор,

¹⁰ Шумилин, С. Ф. Полномочия следователя: механизмы и проблемы реализации / С. Ф. Шумилин. – Москва: «Экзамен», 2006. – с. 26.

отвечает за результаты предварительного следствия. Процессуальная самостоятельность предусматривает его персональную ответственность, предусмотренную Уголовным кодексом Российской Федерации. Так или иначе, осуществляя свою деятельность в нарушение уголовного кодекса, к следователю могут быть применены статьи 285, 286, 292, 293, 299, 301, 302, 303, 312 Уголовного кодекса РФ. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации также устанавливает процессуальную ответственность, а именно: отмена незаконных и необоснованных решений следователя прокурором, признание недопустимым доказательства, возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменение квалификации действий обвиняемого и т.п. Кроме того, за время прохождения производственной практики в следственном отделе по Советскому району Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю мною были проанализированы приказы о дисциплинарной ответственности следователя, которые содержали информацию о депремировании следователя и одного из заместителей руководителя следственного органа. Наложение дисциплинарного взыскания делает невозможным присвоение очередного звания. На практике получается так, что большинство следователей имеют такое взыскание, что, как минимум не улучшает взаимодействие между следователем и руководителем следственного органа (его заместителями). Существует ряд авторов, которые являются сторонниками создания в следственных отделах квалификационных комиссий, в полномочия которых входили бы вопросы о привлечении следователей к дисциплинарной ответственности, по их мнению в состав названных комиссий должны входить наиболее опытные следователи, прокурор и представители суда. На мой взгляд, это приведет только к появлению еще одного рычага давления на следователей, однако нужно производить какие-то изменения, способствующие более открытой процедуре привлечения к дисциплинарной ответственности следователей.

На мой взгляд, сущностью природы процессуальной самостоятельности является право и обязанность, на основании внутреннего убеждения, принимать самостоятельные решения в рамках установленных законом функций субъекта уголовного процесса. Таким образом, считаю, что любая возможность отменить решение следователя, давать ему указания и прочие факторы, которые будут исследованы в следующих главах, является ограничением процессуальной самостоятельности субъекта уголовного процесса, а точнее следователя. В законодательной конструкции следователя, в рамках своей процессуальной самостоятельности, можно сравнить с подростком: первый, как и второй, может принимать решения в рамках своих полномочий, например, следователь сам направляет ход расследования, а подросток сам распределяет свой день для посещения школы, иных образовательных, спортивных организаций. Как у первого, так и второго есть контролирующий орган за его деятельностью: прокурор, руководитель следственного органа и суд за предварительным расследованием следователя, родители за всей деятельностью своего ребенка. Самостоятельность второго и процессуальная самостоятельность первого ограничивается именно наличием такого контроля. Возможность принимать самостоятельные решения следователю ограничивается прокурором, а ребенку – родителями.

Стоит отметить, что среди ученых-процессуалистов существует мнение о том, что ограничение процессуальной самостоятельности не является нарушением права следователя, предусмотренного пунктом 3 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – это необходимая мера, связанная, с одной стороны, со спецификой системы доказывания, а с другой, с качеством кадров органов предварительного расследования. По моему мнению, данная позиция абсолютно не верная. Следователь является центральной фигурой предварительного следствия (по крайней мере должен быть таковым), именно следователь производит все следственные или иные процессуальные действия, именно следователь досконально знает материалы уголовного дела или предварительной проверки

Таким образом, процессуальная самостоятельность следователя – это важнейший элемент его процессуального статуса. Ее нарушение влечет к обесцениванию не только фигуры следователя в рамках предварительного следствия, но и самого предварительного следствия, а значит и всего уголовного судопроизводства. Процессуальную самостоятельность следователя необходимо рассматривать как принцип уголовного процесса, следовательно, нужно внести изменения в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Исходя из этого, стоит установить в Уголовно-процессуальный кодекс РФ указанный принцип в отдельной статье, а именно в главе 2 – принципы уголовного судопроизводства, например, закрепить содержание принципа в статье 7.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Необходимо объяснить свою позицию в части указания процессуальной самостоятельности следователя, как принципа уголовного судопроизводства. По версии М. С. Строговича есть основные принципы, которые идут «красной нитью» сквозь все стадии уголовного процесса, а есть положения, являющиеся принципами отдельной стадии уголовного процесса, отдельного института. На мой взгляд процессуальная самостоятельность относится ко второй категории.

Схожего мнения на сущность процессуальной самостоятельности придерживается и А. Н. Огородов. Он предлагает дополнить содержание Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следующим образом: ввести в Кодекс статью 8.2 «Процессуальная самостоятельность следователя» со таким содержанием:

1. При осуществлении предварительного следствия по уголовным делам следователь подчиняется только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

2. Следователь обязан самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения.

3. Производство по уголовному делу осуществляется следователем в условиях, исключающих любое постороннее воздействие на него. Внепроцессуальное вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность следователя запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность.

4. Прокурорский надзор за исполнением следователем федерального законодательства осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры.

Однако такая формулировка не несет принципиальных отличий от действующей редакции. Часть 2 предложенной редакции вовсе повторяет пункт 3 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Под внепроцессуальным воздействием, вероятно, автор имеет в виду такие ситуации, когда установленный уголовно-процессуальным законом порядок нарушается желанием прокурора, руководителя следственного органа взять предварительное расследование полностью в свои руки. Отсюда и «неформальное» вмешательство названных участников уголовного судопроизводства, о котором речь пойдет в следующей главе. На мой взгляд, реформировать законодательство нужно путем предоставления гарантий процессуальной самостоятельности следователя, таких как возможность обжалования решений прокурора самостоятельно, введение механизма обжалования решений руководителя следственного органа, раскрытию самого понятия процессуальной самостоятельности следователя на законодательном уровне.

Процессуальная самостоятельность следователя должна быть незыблемой и восприниматься как принцип уголовного судопроизводства. В отсутствие процессуальной самостоятельности процессуальный статус следователя и его значимость в рамках уголовного процесса приравнены к техническому, обеспечивающему специалисту или помощнику прокурора. Считаю, что

действительное положение следователя в российском судопроизводстве не соответствует законодательно определенному и требует коренных изменений.

1.2. Пределы процессуальной самостоятельности следователя.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, к сожалению, не дает определение не только процессуальной самостоятельности следователя, но и ее пределов. Для начала предлагаю абстрагироваться от темы и разобраться непосредственно с понятием пределов. По мнению Н. О. Травникова, достаточно распространенным является понимание пределов, как «содержащееся в определенных границах правовое явление, то есть под пределом понимают само явление как его сущность в установленных рамках»¹¹

Для «наглядного» понимания пределов (границ) процессуальной самостоятельности можно провести аналогию с квадратными скобками, используемыми в математике для числовых промежутков. Напомню, что такие скобки означают включение всех чисел, находящихся внутри них. Так и в уголовно-процессуальном праве, только вместо чисел – совокупность норм, за границами «скобок» которых заканчиваются определенные правовые институты. Особо актуальным в данном случае является высказывание «юридического фольклора» - право одного человека заканчивается там, где начинается право другого человека.

Таким образом, в общем виде пределы процессуальной самостоятельности являются совокупностью уголовно-процессуальных норм, регулирующих границы осуществления следователем своих полномочий самостоятельно направлять ход расследования в рамках уголовного судопроизводства.

Бесспорным является утверждение Т. Б. Арсеновой о том, что пределы процессуальной самостоятельности определяются Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, ратифицированными Российской Федерацией, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, иными федеральными конституционными и федеральными законами.

¹¹ Травников, Н. О. «Предел» и «ограничение» в праве: теоретико-правовой анализ понятий / Н. О. Травников // Государство и право, 2017. - № 7. – с. 106

Законодатель в пункте 3 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в наиболее общем виде определил процессуальную самостоятельность следователя, наделив его полномочием самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Первый предел установлен также в рассматриваемом пункте. Дело в том, что самостоятельно принять решение о производстве следственного и иного процессуального действия, следователь уполномочен не всегда. Так, если на осуществление названных действий требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа, то следователь не может, обходя указанный механизм, произвести их. Подробнее о влиянии установленного механизма на процессуальную самостоятельность следователя будет рассказано в следующей главе.

Процессуальная самостоятельность следователя направлена на качественное проведение предварительного следствия, соблюдение норм материального и процессуального права. Она не означает «дарование» ему вседозволенности при осуществлении своей деятельности. Напротив, такое понимание процессуальной самостоятельности может повлечь как минимум дисциплинарную, а в худшем случае уголовную ответственность. Если следователь будет рассматривать подобным образом процессуальную самостоятельность, то грош цена его процессуальному статусу и всему уголовному судопроизводству. Именно для этого и существуют и пределы процессуальной самостоятельности, и процессуальный контроль над осуществлением деятельности следователя.

Однако, контроль со стороны прокурора, руководителя следственного органа, суда не панацея. Необходимо понимать, что при осуществлении процессуального контроля над следователем – деятельности безусловно нужной и полезной, могут также возникать ситуации, нарушающие процессуальную самостоятельность следователя. В первую очередь нарушение происходит на законодательном уровне, когда решения прокурора,

руководителя следственного органа следователь не имеет возможности обжаловать. На мой взгляд, это большое упущение законодателя, нарушающее процессуальную самостоятельность. Повторюсь, я не ставлю под сомнение деятельность, посвященную процессуальному контролю над следователем, но и права следователя при этой деятельности, нарушаться не должны.

Процессуалисты для определения пределов процессуальной самостоятельности следователя зачастую обращаются к определению границ усмотрения следователя. Т. Б. Арсенова считает, определение пределов усмотрения лежит на следователе, а для этого ему необходимо руководствоваться следующим: во-первых, насколько его действия и решения соотносятся с обеспечением прав и законных интересов участников, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения по расследуемому уголовному делу, включая степень допустимого ограничения этих прав и интересов; во-вторых, соотносить его действия и требования, предусмотренные уголовно-процессуальной формой; в-третьих, являются ли эти действия и решения обоснованными и необходимыми. В заключение, автор пишет, что следователю в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предоставлен выбор процессуальных решений, которые могут быть уместно использованы, а следователю необходимо выбрать в каждом конкретном случае определенное решение или совокупность таковых. Важно понимать, что следователь обязан из всех возможных решений выбрать такое, которое «обеспечивает максимально полное и точное достижение цели уголовно-процессуального закона в конкретных условиях места и времени». Таким образом, пределы процессуальной самостоятельности заключаются в выборе законного, обоснованного и уместного для определенного уголовного дела, в случае неправильного выбора в дело вступает процессуальный контроль.

Как пишет Е. О. Бобырев, старший следователь следственного отдела по Ворошиловскому району города Ростов-на-Дону следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области, уголовно-процессуальное законодательство наделяет следователя достаточной

степенью самостоятельности в выборе направления расследования, в производстве следственных действий, применении мер принуждения и др. Однако, при детальном рассмотрении данного вопроса возникают сомнения о наличии достаточной самостоятельности следователя при принятии решений в условиях относительно определенности уголовно-процессуальных предписаний, в связи с этим автор приводит в пример статью 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой в случае, когда в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, следователь вправе произвести очную ставку. Таким образом, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет следователя правом производства данного следственного действия, что указывает на возможность выбора: воспользоваться этим правом или нет. Однако анализ практики показывает, что в тех случаях, когда следователь отказывается от производства очной ставки, он рискует получить уголовное дело для дополнительного расследования и устранения выявленных недостатков в порядке пункта 2 части 1 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. При этом прокурор вполне обоснованно может упрекнуть следователя в том, что в деле остались не разрешенными существенные противоречия, а значит, не приняты все меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении (часть 2 статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Как уже было установлено в 1 главе, отсутствие законодательной дефиниции порождает большое количество мнений, зачастую полностью противоположных друг другу. В такой ситуации, по мнению П. М. Стольниковой, «пределами, ограничивающими вариативность процессуальной деятельности следователя, являются, с одной стороны, императивные нормы

(прямое указание закона), с другой – ведомственный и судебный контроль, дополненный прокурорским надзором»¹².

П. М. Стольников, исследуя влияние пределов усмотрения следователя на пределы его процессуальной самостоятельности, приходит к выводу, что первое, «являясь неотъемлемым элементом уголовного судопроизводства, создает предпосылки и для нежелательных последствий его реализации, в том числе для злоупотребления следователем представленным ему правом выбора». Я согласен с автором, что необходимо совершенствовать нормативное регулирование процессуальной самостоятельности.

Стоит отметить, что хоть следователь обладает процессуальной самостоятельностью, однако не может согласно Уголовному процессуальному кодексу РФ бесконечно, не выполняя никаких действий производить предварительное следствие. Согласно статье 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации срок предварительного следствия составляет 2 месяца со дня возбуждения уголовного дела, далее срок может продляться, максимальный срок проведения предварительного следствия не установлен. Однако это не повод не производить необходимых следственных и иных процессуальных действий. Согласно части 1 статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. При определении разумности срока оценивается, помимо прочего, оценивается достаточность и эффективность действий следователя.

Таким образом, процессуальная самостоятельность не является неограниченным правом следователя осуществлять предусмотренные уголовно-процессуальным законом следственные и иные процессуальные действия. Процессуальная самостоятельность – это прежде всего обязанность следователя руководствоваться законом в принятии своевременных, мотивированных и обоснованных решений, а только потом – право направлять

¹² Стольников, П. М. Усмотрение следователя и границы его процессуальной самостоятельности / П. М. Стольников // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право. – 2016. - № 3 (20). – с. 104

ход предварительного следствия. Злоупотребление процессуальной самостоятельностью ограничивается процессуальным контролем со стороны руководителя следственного органа, прокурора, судебным контролем, императивными нормами Уголовно-процессуального кодекса, а также дисциплинарной и уголовной ответственностями. Кроме того, рассматриваемый вопрос очень важен для уголовного судопроизводства, поэтому законодателю необходимо внести в УПК РФ определения терминов «процессуальная самостоятельность следователя» и «пределы процессуальной самостоятельности».

Глава 2. Процессуальная самостоятельность следователя при взаимодействии с различными субъектами уголовного процесса.

Вопросы, связанные с процессуальной самостоятельностью, в рамках уголовно-процессуального права рассматриваются в контексте существующего процессуального контроля над следователями со стороны руководителей следственных органов, прокуратуры и суда.

Такое должностное лицо, как следователь, а именно уполномоченное в рамках установленной законом компетенции осуществлять предварительное следствие в данный момент существует в трех государственных структурах – в Следственном комитете Российской Федерации, в органах Федеральной службы безопасности и органах внутренних дел Российской Федерации, между которыми статьей 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливается подследственность.

В соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий кроме случаев, когда согласно действующему законодательству для производства названных действий требуется получение судебного решения (заключение под стражу), согласие руководителя следственного органа (продление срока проверки сообщений о преступлениях) или утверждение прокурора (утверждение обвинительного заключения).

В настоящей главе будет рассмотрено взаимодействие следователя с иными участниками уголовного процесса, а также их влияние на процессуальную самостоятельность.

2.1. Процессуальная самостоятельность следователя при взаимодействии с прокурором.

Как уже было отмечено ранее, процессуальную самостоятельность следователя необходимо рассматривать через призму процессуальных взаимодействий следователя с прокурором, причем, на мой взгляд, в первую очередь именно с ним, нежели чем с другими участниками уголовного процесса.

Проблемы в положении органов предварительного следствия и первые попытки реформирования сложившейся ситуации произошли в 2007 году путем создания на базе прокуратуры следственного органа – Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Разумеется, это стало первым шагом для обособления следствия от прокуратуры. Однако рассчитывать на отсутствие серьезного давления со стороны прокуроров не приходилось. Именно поэтому, в 2011 году на смену упомянутого органа пришел самостоятельный орган – Следственный комитет Российской Федерации. Помогло ли это избавиться от излишнего вмешательства прокуроров на следователей Следственного комитета, а также на следователей в других органах, осуществляющих предварительное расследование, постараемся разобраться в данном параграфе.

Ограничение процессуальной самостоятельности следователя при взаимодействии с прокурором происходит в ряде случаев.

Так, согласно части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ, прокурор уполномочен (1) требовать от органов следствия устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия; (2) утверждать обвинительное заключение; (3) возвращать уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого. Все перечисленное является вмешательством в деятельность следователя, который, повторюсь,

самостоятельно направляет ход расследования. Первое полномочие прокурора меньше всего нарушает процессуальную самостоятельность, а более того, не позволяют ей (процессуальной самостоятельности) не стать вседозволенностью и реализуется в рамках прокурорского надзора над предварительным следствием. Второе и третье полномочие идут вразрез с логикой законодателя, так как на практике все начинает сводиться к вмешательству прокурора в предварительное следствие, теряется процессуальная значимость следователя, как субъекта, направляющего ход расследования.

Гаврилов Б.Я. утверждает: «Федеральным законом № 87-ФЗ от 05 июня 2007 года в статью 38 Уголовно-процессуального кодекса РФ внесены существенные изменения, выразившиеся, в том числе, в исключении из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нормы о необходимости получения согласия прокурора на принятие процессуальных решений и производство следственных действий, требующих в силу части 2 статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации судебного разрешения. Эти изменения позволяют в большей степени обеспечить процессуальную самостоятельность следователя и значительно упростить процедуры производства отдельных следственных действий и принятия следователем процессуальных решений по расследуемому им уголовному делу»¹³

Далее стоит обратиться к анализу полномочий следователя по обжалованию решений прокурора в порядке, установленном частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В соответствии с частью 1 и частью 4 статьи 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, следователь может обжаловать лишь несколько решений прокурора, а именно: об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела

¹³ Гаврилов, Б. Я. Усовершенствование предварительного следствия (с позиции Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ / Б. Я. Гаврилов // Уголовный процесс. – 2007. - № 9. – с. 14

следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения или квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и установления выявленных недостатков, при условии, что против этого не возражает руководитель следственного органа. Из чего следует, что, если руководитель следственного органа не согласен на обжалование решений прокурора, следователь обязан их выполнить, если даже убежден, что тем самым нарушает права и законные интересы граждан и лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Право обжалования решений прокурора следователем, участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в установленном законом порядке закреплено в части 1 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. К сожалению, не предусмотрен механизм самостоятельного обжалования решений прокурора следователем. В действующем законодательстве обжаловать возможно, лишь согласовывая с руководителем следственного органа. Более подробно о влиянии установленного порядка обжалования решений прокурора на процессуальную самостоятельность следователя будет описано в следующем параграфе.

Предлагаю рассмотреть полномочия следователей другой правоохранительной структуры – органов внутренних дел. Т. Б. Арсенова,¹⁴ капитан юстиции, считает, что статус следователя серьезно снизился: «Нынешний следователь приравнен к уровню должностного лица, наделенного лишь отдельными полномочиями по самостоятельному производству отдельных следственных и иных процессуальных действий». По мнению автора, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве следователь не может самостоятельно принимать некоторые ключевые процессуальные решения. Автор упоминает, что до изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в 2007 года, для возбуждения уголовного дела следователю требовалось согласие прокурора. После вступления в силу новой

¹⁴ Арсенова, Т. Б. Процессуальная самостоятельность следователя: понятие и пределы / Т. Б. Арсенова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. - № 6. С. 75

редакции Уголовно-процессуального кодекса РФ следователь, усмотрев повод и основание для возбуждения уголовного дела приступает к расследованию, вынося постановление о возбуждении уголовного дела. Однако, как утверждает Т. Б. Арсенова, на практике после вынесения названного постановления следователь «совместно с материалами проверки сообщения о преступлении и иными процессуальными документами, заполнив статистическую карточку формы № 1, незамедлительно направляется к прокурору. Прокурор, в свою очередь, изучив представленные материалы, должен подписать карточку и только тогда следователь получит в штабе ОВД номер уголовного дела и сможет приступить к расследованию». Данный пример указывает на нарушение норм уголовно-процессуального законодательства, в частности, это влечет к нарушению процессуальной самостоятельности следователя.

В 2010 году в Уголовно-процессуальный кодекс были внесены изменения, а именно была введена часть 1.1 статьи 211 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Согласно названной статье, прокурор в четырнадцатидневный срок с момента получения материалов уголовного дела, в случае признания им постановления руководителя следственного органа или следователя о приостановлении предварительного следствия незаконным или необоснованным отменяет его. В случае его отмены, прокурор выносит мотивированное постановление, в котором указывает конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительному расследованию. Постановление об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия направляется руководителю следственного органа незамедлительно.

В таком случае представляется весьма странным отсутствие возможности обжаловать решение прокурора, потому как пункт 5 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса РФ содержит закрытый перечень решений прокурора, которые может обжаловать следователь. Несомненно, на практике могут возникать такие случаи, когда вследствие ошибки прокурора отменяется законное и обоснованное постановление следователя. В таком случае никаких процессуальных рычагов взаимодействия нет, потому что отсутствует

механизм обжалования такого рода решений следователем. Видимо, следователям в таком случае необходимо пользоваться своими навыками убеждения? В любом случае, процессуальных способов решения такой ситуации уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает.

Конечно же, в рамках уголовного судопроизводства такого быть не должно, однако сам законодатель способствует развитию такого рода не процессуальных взаимодействий следователя и прокурора. Представляется необходимым дополнить установленный в пункте 5 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перечень решений прокурора, которые следователь уполномочен обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке части 4 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Тем самым, установить полномочие следователя обжаловать постановление прокурора об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия. На мой взгляд, в противовес любым решениям того или иного участника уголовного судопроизводства должен быть установлен механизм обжалования незаконных, необоснованных и немотивированных решений. При отсутствии подобного механизма нарушается процессуальная самостоятельность следователя, во-первых, а во-вторых, нарушается положения действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а именно статьи 6.1, 7, 19, 123 Кодекса.

Схожим образом обстоят дела со статьями 214 и 214.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым прокурор и руководитель следственного органа в первом случае отменяют, а во втором получают разрешение в судебном порядке на отмену постановления о прекращении уголовного дела или преследования. Как отмечалось выше, у следователя отсутствует возможность обжалования решения названных участников уголовного судопроизводства. По обобщенным статистическим данным Генеральной прокуратуры за январь-апрель 2019 года на территории Российской Федерации прокурорами отменено 8503 постановления следователей о прекращении уголовного преследования, за аналогичный

период текущего года – 7706. К сожалению, статистическая отчетность Генеральной прокуратуры не содержит информацию об общем количестве указанных постановлений.

Сложно не согласиться с необходимостью существования процедуры утверждения обвинительного заключения прокурором. Практика показывает, что большое количество решений прокурора по уголовному делу производится в порядке пункте 2 части 1 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, то есть в большинстве случаев уголовное дело возвращается следователю для проведения дополнительного следствия и осуществления прочих, предусмотренных названным пунктом действий. В данном случае, это является элементом процессуального контроля. Опять же, возвращаемся к выводам 1 главы, согласно которым необходимо установить с какого момента и до какого процессуальная самостоятельность следователя имеет место быть. Иными словами, необходимо установить ее пределы. Для этого и необходимо закреплять в законодательстве определения, чтобы можно было без особого труда, определив логику законодателя, устанавливая пределы действия того или иного участника уголовного судопроизводства. Однако поскольку такового мы не имеем, толкуем максимально широко указанное понятие. В контексте такого понимания процедура утверждения обвинительного заключения является нарушением процессуальной самостоятельности следователя. Но все же, сложно представить себе ситуацию, при которой отсутствует механизм утверждения обвинительного заключения.

В ответ на вышесказанное, стоит отметить, что согласно пункту 5 части 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следователь уполномочен, с согласия руководителя следственного органа, обжаловать решения прокурора принимаемые в порядке пункта 2 части 1 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Фактически второе решение прокурора, которое уполномочен обжаловать в установленном законом порядке следователь – это постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела.

Возможность прокурора отменять постановление следователя о возбуждении уголовного дела является существенно ограничивающим фактором процессуальной самостоятельности. В соответствии с пунктом 1.4 Приказа Генеральной прокуратуры¹⁵: «Признав постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, в срок не позднее 24 часов с момента получения таких материалов отменять постановление о возбуждении уголовного дела, о чем выносить мотивированное постановление. При отмене постановления о возбуждении уголовного дела в связи с неполнотой проверки указывать конкретные обстоятельства, подлежащие выяснению в ходе проведения дополнительных проверочных мероприятий. Обеспечить контроль за их выполнением в полном объеме». На мой взгляд, можно было ограничиться возможностью прокурора отменять постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и существующей процедурой утверждения обвинительного заключения. Получается, что в таком случае сохраняется и процессуальный контроль над надлежащим исполнением обязанностей следователя в рамках предварительной проверки, и в то же время не теряется процессуальная фигура следователя.

В данном случае, стоит напомнить, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Возбуждение уголовного дела дает большие полномочия для проведения своевременного расследования, кроме того, гарантирует права и участникам предварительного расследования.

По обобщенным статистическим данным Генеральной прокуратуры за январь-сентябрь 2018 года на территории Российской Федерации было отменено 11 424 постановлений о возбуждении уголовного дела, по статистическим данным Следственного комитета РФ в аналогичный период

¹⁵ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Электронный ресурс] : Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 03.06.2011. № 162 // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru>.

следователями следственного комитета было возбуждено 105 227 уголовных дела. Согласно годовому отчету о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» Министерства внутренних дел за 2018 календарный год на территории Российской Федерации количество отмененных прокурорами и руководителями следственных органов постановлений о возбуждении уголовного дела составила 8 800 раз. В совокупности с перечисленным, хочется добавить, что количество отмененных постановлений о возбуждении уголовных дел в процентном соотношении достаточно невелико. Однако, в открытых источниках не представлены данные по количеству возбужденных дел следователями ФСБ, осложняется ситуация и тем, что МВД не ведет статистику по возбужденным уголовным делам, в указанном отчете используется формулировка «количество выявленных преступлений», что конечно же нельзя включить в один ряд с представленными статистическими показателями.

На мой взгляд, полномочие следователя обжаловать постановление прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела достаточно фиктивно соблюдает процессуальную самостоятельность следователя, потому что мал процент отменен по таким процессуальным решениям следователя. Гораздо важнее установление возможности обжалования таких решений прокурора как отмена постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования, отмена постановления следователя о приостановлении предварительного расследования, письменных указаний прокурора в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Также стоит отметить, что хоть и существует возможность обжалования возвращения уголовного дела следователю для устранения выявленных недостатков, однако, сравнивая пункт 5 части 2 статьи 38 и пункт 2 части 1 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, видим, что конструкция последней содержит следующее положение: «прокурор для

устранения недостатков обвинительного заключения, дает свои письменные указания», а в содержании статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации возможность обжаловать письменные указания законодатель не устанавливает. Более того, сама возможность давать письменные указания является нарушением процессуальной самостоятельности следователя.

Таким образом, при взаимодействии прокурора и следователя существенно нарушается процессуальная самостоятельность следователя. Законодатель непоследователен и, с одной стороны, устанавливает возможность обжалования с согласия руководителя следственного органа, а с другой, не устанавливает такую возможность для большого количества решений прокурора. Как уже упоминалось в настоящем параграфе, по моему мнению, в противовес любым решениям того или иного участника уголовного судопроизводства должен быть установлен механизм обжалования незаконных, необоснованных и немотивированных решений. В противном случае нарушаются принципы уголовного судопроизводства.

2.2. Следователь и руководитель следственного органа: проблемы взаимодействия

Самое длительное и регулярное взаимодействие при осуществлении предварительного следствия у следователя происходит с его непосредственным начальником – руководителем следственного органа. Многие полномочия, закрепленные еще в начале «нулевых» годов двадцать первого тысячелетия за прокурором, с изменением уголовно-процессуального законодательства перешли к руководителю следственного органа. Взаимодействия между указанными участниками уголовного судопроизводства и их влияние на процессуальную самостоятельность следователя будет рассмотрено в настоящем параграфе.

Если в предыдущем параграфе отмечалось ограничение процессуальной самостоятельности в той части, что следователь не может самостоятельно, без согласия руководителя следственного органа, обжаловать решения прокурора, то права обжалования решений своего начальника – руководителя следственного органа – следователь лишен вовсе, за исключением обжалования письменных указаний.

Сложно не согласиться с мнением процессуалистов, считающих фактическое отсутствие права обжалования существенным нарушением процессуальной самостоятельности следователя. Кроме того, считаю, что отсутствие процедуры обжалования решений руководителя следственного органа является серьезным пробелом в действующем законодательстве.

По мнению Х. Б. Бегиева, в настоящее время направляет ход расследования не следователь, а руководитель следственного органа. Он это связывает непосредственно с отсутствием механизма обжалования решений второго. Также Х. Б. Бегиев отмечает, что прокурор не может быстро реагировать на принимаемые руководителем следственного органа, ведь материалы уголовного дела первый получает только после их поступления к нему для оценки обвинительного заключения. Автор считает, что следователь

фактически лишен возможности самостоятельно принимать процессуальные решения, находясь в полной процессуальной и ведомственной зависимости от руководителя следственного органа. Исходя из вышеизложенного, Х. Б. Бегиев делает вывод, что следователь в современном уголовном судопроизводстве выполняет функцию помощника или технического исполнителя поручений руководителя следственного органа.¹⁶

Не могу полностью согласиться с этим выводом, однако не могу не согласиться с автором в той части, что ограничение процессуальной самостоятельности не только во взаимоотношениях с руководителем следственного органа, но и с другими участниками уголовного судопроизводства, существенно снижает процессуальный статус следователя, как ключевой фигуры предварительного расследования.

О вредном и стагнационном влиянии зависимости следователя от руководителя следственного органа говорилось уже в начале 90-х годов. В Постановлении Верховного Суда РСФСР «О Концепции судебной реформы в РСФСР» в разделе «проблемы юстиции» говорится о том, что наличие, не декларативное, а реальное, процессуальной самостоятельности следователя, а также его личная ответственность за осуществление предварительного расследования должны отличать следователя от чиновника администрации. Отмечается, что самостоятельность и ответственность следователя – важнейшее условие успешности и законности расследования уголовных дел.

С 1991 года прошло уже достаточно времени, чтобы восполнить пробелы законодательства и устранить его противоречия. Однако это не сделано до сих пор. Да, была предпринята попытка вывести из-под непосредственного подчинения следователя прокурору, но все же большинство полномочий бывшего начальника для следователя при прокуратуре перешло новому – руководителю следственного органа.

¹⁶ Бегиев, Х. Б. Право на обжалование решений прокурора и руководителя следственного органа как гарантия соблюдения процессуальной самостоятельности следователя / Х. Б. Бегиев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. - № 1. – С. 82-87. – С. 84

А между тем, авторы названной Концепции заключили: «Не решив проблем независимости суда и самостоятельности сотрудников правоохранительных органов при выполнении ими процессуальных функций, нельзя рассчитывать на успешность судебной реформы. Юстиция не может быть прислужницей администрации». Нельзя, по моему мнению, и рассчитывать на эффективность деятельности таких органов, на их независимость, компетентность. Это подтверждает значимость для предварительного следствия наличие не «фиктивной», а реально существующей процессуальной самостоятельности следователя.

Так, в законе говорится о том, что следователь «уполномочен самостоятельно направлять ход расследования». Убедительной считаю позицию Х. Б. Бегиева, согласно которой, следователь не уполномочен самостоятельно принимать решения о производстве следственных и иных действий, на проведение которых требуется получение судебного решения.

Если до внесения изменений следователь обращался за получением согласия на проведение следственных действий к прокурору, то теперь за подобным согласием он обязан обратиться к руководителю следственного органа.

В то же время, как считает законодатель, следователь стал более самостоятельным благодаря тому, что упростилась процедура получения разрешения суда на проведение следственных действий. Данное положение регулируется пунктом 3 части 1 статьи 38 и пунктом 4 части 1 статьи 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Имеется в виду, что следователю удобнее получить согласие на проведение следственного действия у своего непосредственного начальника, с которым он совместно работает. Однако, по всей видимости, процедура не упростилась, а просто ускорилась. Как и в ранее действующем уголовно-процессуальном законодательстве, руководитель следственного органа может не согласовать решение следователя, без указания причин такого отказа. Получается, что поменялся только субъект, утверждающий решение следователя. Ни о каком

упрощении речи не идет. В том случае, когда следователь считает необходимыми определенные действия, а руководитель следственного органа нет, то очевидно, какое решение примет последний. Стоит отметить, что следователь не получил возможность обжаловать подобные решения руководителя следственного органа.

Однако, есть и позиция, опровергающая вред взаимодействия руководителя следственного органа и следователя, как фактора, нарушающего процессуальную самостоятельность следователя. В. В. Уланов¹⁷ считает, что ничего отрицательного в наличии процессуального контроля со стороны не только руководителя следственного органа, но и прокурора нет. Если с первым утверждением согласиться можно частично, то со вторым совершенно точно - нет. Обосновывается названная позиция проведением анкетирования среди сотрудников следственных органов, согласно которому 98% сотрудников следственного аппарата «никаких особенных неудобств от надзора со стороны руководителя следственного органа не ощущают». Возникает ряд вопросов по поводу проведенного опроса. Что такое ощущение? И как классифицировать такие ощущения? Как влияют ощущения на формальные, установленные уголовно-процессуальным законодательством правоотношения? На мой взгляд, на основании результатов рассматриваемого статистического исследования, нельзя делать выводы относительно процессуальной самостоятельности следователя. Предполагаю, что перед респондентами был поставлен следующий вопрос: «Ощущаете ли вы неудобства от надзора со стороны руководителя следственного органа?». Не ощущать можно и при наличии серьезных нарушений процессуальной самостоятельности следователя со стороны руководителя следственного органа. А вообще, ощущения – это про отношения между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, между друзьями, но это не та категория, повторюсь, по которой можно оценивать

¹⁷ Уланов, В. В. Самостоятельность и независимость следователя при осуществлении процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве / В. В. Уланов // Вестник Восточно-сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Иркутск). – 2012. - № 2 (61). – с. 40

наличие или отсутствие нарушений законодательства. Также непонятно употребление социально-бытового термина «неудобства». Следователь не сидит на диване, попивая чай или кофе с друзьями, осуществляя установленную законом деятельность. Исходя из этого, считаю недопустимым применение не юридической категории в исследованиях по поводу правовых вопросов.

В предыдущем абзаце я упомянул, что с первым утверждением автора можно частично согласиться. На мой взгляд, руководитель следственного органа осуществляют наставническую функцию для молодых и неопытных следователей. В этом смысле их квалифицированные указания очень важны с точки зрения соблюдения законности и разумности срока при осуществлении уголовного судопроизводства. Однако не исключаю и ситуаций на практике, когда письменные и обязательные указания руководителя следственного органа незаконны, немотивированны или не уместны в расследовании конкретного уголовного дела.

В этом случае часть 3 статьи 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусматривает право следователя на обжалование таких указаний, согласно названной статье указания руководителя следственного органа могут быть обжалованы следователем руководителю вышестоящего следственного органа.

Стоит отметить, что обжалование указаний не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев, когда указания касаются изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения, производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, а также направления дела в суд или его прекращения.

Интересна формулировка законодателя в данном случае, схожая с конструкцией части 4 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ведь в указанных статьях речь идет о праве следователя на обжалование, а в пункте 5 части 2 статьи 38 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации говорится о полномочии. Как было установлено в главе 1 настоящей работы, полномочие – это и право, и обязанность. Какой бы не была законодательная формулировка, право обжалования письменных указаний следователя, несомненно, положительно сказывается на процессуальной самостоятельности следователя. Именно так должно быть с каждым из рассматриваемых процессуальных действий участников уголовного судопроизводства, которые вмешиваются в процессуальную самостоятельность следователя. Иначе о ней не может быть и речи, как и о процессуальном статусе следователя, как ключевой фигуры предварительного расследования.

В различных статьях Уголовно-процессуального кодекса есть полномочия участников уголовного судопроизводства, обжалование следователем которых невозможно. Существенным пробелом уголовно-процессуального законодательства, по мнению М. М. Хамгокова, является отсутствие полномочий у следователя обжаловать решения руководителя следственного органа.¹⁸ Аналогичной позиции придерживается и В. М. Быков, обосновывая это тем, что отсутствие возможности обжалования решений руководителя следственного органа не способствует формированию кадрового состава «в духе самостоятельности в принятии решений и личной ответственности за последствия их исполнения, укреплению его (следователя) служебного авторитета».

Согласно пункту 4 части 1 статьи 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ, руководитель следственного органа дает согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения. Как видим, исходя из положений названной статьи перечень следственных действий, на

¹⁸ Хамгоков, М. М. Проблемы руководства следователем, членом следственной группы / М. М. Хамгоков // Закон и право. – 2008. - № 11. – с. 65-66

которые дает согласие руководитель следственного органа, закрытый. Однако анализ законодательства позволяет сделать вывод об обратном.

По мнению старшего следователя следственного отдела по Ворошиловскому району города Ростов-на-Дону следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области, Е. О. Бобырева,¹⁹ фактическое отсутствие либо существенное ограничение следователя может сыграть положительную роль при условии, что следователь, в производстве которого находится уголовное дело, при расследовании которого, столкнулся с необходимостью применения оценочного понятия, относительно определенного правила поведения, является малоопытным сотрудником, в связи с чем допустил ошибку, в результате которой могут наступить неблагоприятные последствия для качественного расследования уголовного дела. Именно в такой ситуации руководитель следственного органа, с учетом предоставленных ему прав обладает возможностью принудительно «заставить» следователя исправить ситуацию с потенциально негативными последствиями, даже если следователь по какой-то причине отказывается это сделать либо не видит угрозы для хода расследования уголовного дела

Так, в соответствии с частью 6 статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РФ следователь, после составления обвинительного заключения и его подписания, должен немедленно направить уголовное дело прокурору. Однако направляется уголовное дело лишь после согласия руководителя следственного органа. На практике этот элемент процессуального контроля является достаточно полезным, особенно для неопытных следователей.

Не считаю необходимым закреплять все полномочия руководителя следственного органа по согласованию решений следователя, ведь тогда ст. 39 УПК РФ будет слишком объемной, однако, представляется правильным использовать в пункте 4 части 1 статьи 39 Уголовно-процессуального кодекса

¹⁹ Бобырев, Е. О. Пределы усмотрения следователя, как элемент его процессуальной самостоятельности в условиях относительной определенности предписаний уголовно-процессуального права / Е. О. Бобырев // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2015. - № 5. – с. 51

Российской Федерации открытый перечень путем введения следующего положения: «и другие, предусмотренные настоящим Кодексом».

По мнению А. Р. Вартанова, действующий Уголовно-процессуальный кодекс не содержит обеспечивающих процессуальную самостоятельность следователя гарантий в правоотношениях, которые могут складываться между ним и руководителем следственного органа в проблемных ситуациях при расследовании уголовного дела. Восполнить пробел следует посредством дополнения части 3 статьи 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ следующими требованиями: «Руководитель вышестоящего следственного органа, рассмотрев жалобу и возражение следователя, в течение 5 суток с момента их поступления своим мотивированным постановлением отменяет указание руководителя следственного органа либо поручает производство следствия другому следователю. В случае необходимости производства предварительного следствия по данному делу может быть поручено непосредственно нижестоящему руководителю следственного органа»²⁰. Стоит согласиться с мнением автора, ведь для обеспечения следователю права обжалования письменных указаний руководителя следственного органа необходимо установить механизм рассмотрения таких жалоб. Однако, не совсем корректна формулировка предложенной редакции. По смыслу приведенного полного отрывка автора непонятно, руководитель вышестоящего следственного органа отменяет любые письменные указания руководителя нижестоящего следственного органа, давшего их следователю либо же только те, которые сочтет незаконными и необоснованными. Полагаю, А. Р. Вартанов имел в виду указания, не соответствующие закону или не являющиеся обоснованными. Но если предлагать свою редакцию рассматриваемой статьи, то все формулировки должны быть предельно четкими и однозначными.

Также стоит вернуться к порядку обжалования решений прокурора в контексте взаимодействия следователя с руководителем следственного органа.

²⁰ Вартанов, А. Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.09 / Вартанов Артюн Рафикович. – Краснодар. – 2012. – с. 10.

Так, согласно части 4 статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю обжалуется в следующем порядке: следователь в течение 72 часов после возвращения ему уголовного дела при согласии руководителя следственного органа обжалует вышестоящему прокурору. Большое количество процессуалистов считают ограничивающим процессуальную самостоятельность следователя отсутствие механизма самостоятельного обжалования. При действующем механизме на практике выходит так, что руководители следственных органов не дают своего согласие на обжалование решений прокурора, боясь испортить и без того натянутые отношения между органами предварительного следствия и прокуратурой.

Таким образом, считаю, что существенно ограничивающим процессуальной самостоятельности фактором во взаимодействии руководителя следственного органа является только отсутствие у следователя возможности обжалования решений непосредственного начальника.

2.3. Процессуальная самостоятельность следователя и судебный контроль

Помимо прокурорского надзора и процессуального контроля руководителя следственного органа, существенное влияние на процессуальную самостоятельность следователя оказывает судебный контроль.

Весьма критично воспринял правоприменитель введение судебного контроля за предварительным следствием. Согласно многочисленным доводам противников нововведений, предлагались аргументы, начиная с консервативных – не ломать сложившуюся систему; не рушить традиции отечественного уголовного процесса, и заканчивая сомневающимися в компетенции органа – суды не справятся с возложенной нагрузкой. Ряд процессуалистов отрицательно воспринял названную реформу, обосновывая это тем, что недопустимо выполнение надзорной функции сразу несколькими органами.

В настоящий момент судебный контроль над предварительным следствием в Российской Федерации осуществляется в 3 формах:

1. Предварительный судебный контроль, в рамках которого в компетенцию суда входит рассмотрение и разрешение ходатайств следователей о проведении следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых следователем и связанных с ограничением конституционных прав граждан. Такой порядок установлен для избрания следующих мер процессуального принуждения: запрет определенных действий (статья 105.1 УПК РФ), залог (статья 106 УПК РФ), домашний арест (статья 107 УПК РФ), заключение под стражу (статья 108 УПК РФ). Отмена или изменение названных мер процессуального принуждения возможно лишь на основании судебного решения.

Единственной иной мерой процессуального принуждения, решение о применении которой решается судом, является денежное взыскание (117 УПК РФ).

Статья 165 Уголовно-процессуального кодекса РФ устанавливает механизм получения разрешения на производство следственных действий в судебном порядке. Согласно части 2 и части 3 статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса РФ производство обыска осуществляется на основании постановления следователя или на основании судебного решения. Общим порядком является именно судебный порядок. Именно так часть 5 статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса РФ разрешает конкуренцию норм, устанавливая, что лишь в исключительных случаях, когда производство обыска не терпит отлагательств, обыск производится на основании постановления следователя, с последующим уведомлением суда и прокурора не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия.

Аналогичный порядок установлен и для производства выемки в жилище, личного обыска, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в части 1 статьи 104.1 Уголовного кодекса РФ.

Только в судебном порядке производится наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, а также их осмотр и выемка (статья 185 УПК РФ), контроль и запись телефонных и иных переговоров (статья 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (статья 186.1 УПК РФ). Таким же образом обстоят дела с назначением судебных экспертиз (глава 27 УПК РФ).

Считаю необходимым существование данного механизма в случаях, когда действия следователя нарушают конституционные права гражданина, но объективно необходимы для предварительного расследования.

2. Последующий судебный контроль во время предварительного расследования, осуществляя который суд рассматривает и разрешает жалобы на незаконные и необоснованные решения и действия следователя в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ и других участников уголовного судопроизводства, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить

доступ граждан к правосудию. Порядок обжалования таких решений установлен главой 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Кроме того, уголовно-процессуальным законодательством установлена возможность в судебном порядке получить разрешение для отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, предусмотренный статьей 214.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ. На мой взгляд, данное положение является гарантией процессуальной самостоятельности следователя и защиты от злоупотребления прокурором своими должностными обязанностями. Как уже было исследовано в одном из предыдущих параграфов, прокурор в течение 14 дней после поступления к нему материалов уголовного дела в порядке 214 УПК РФ уполномочен отменить постановление следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, в судебном порядке таким же полномочием обладает и руководитель следственного органа. Однако судебный порядок не содержит такой четырнадцатидневный срок, что дает возможность, с помощью судебного контроля отменять незаконные решения следователя.

В данном параграфе необходимо акцентировать внимание на обжалование действия или бездействия следователя в порядке 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Как ни странно, но, по сути, принцип процессуальной самостоятельности изящно используется судами при вынесении постановления об отказе в удовлетворении жалобы заявителя или о ее возвращении.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит закрытый перечень ситуаций, когда решение следователя можно обжаловать в судебном порядке. Однако в части 1 статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ приводится примерный перечень таких решений. В данном случае я

солидарен с мнением А.З. Бецукова²¹ о том, что предусмотреть все ситуации, при которых нарушаются конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства, а равно и случаев затруднения доступа граждан к правосудию просто невозможно, даже если привести примерный список таких действий, УПК РФ ощутимо станет толще. Стоит отметить, что такая формулировка приводит к неоднозначной правоприменительной практике.

Подтверждает эту позицию и вынужденное разъяснение в пункте 2 Постановления²² Пленума Верховного Суда Российской Федерации №1: «помимо постановлений дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела судебному обжалованию в соответствии с частью 1 статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ подлежат иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию». Однако, по моему мнению, Верховный Суд Российской Федерации, желая «расставить все точки над и», пошел по пути законодателя и в следующем абзаце рассматриваемого пункта привел пример иных решений.

Ряд авторов высказывают совсем экзотическую позицию, которую я разделить не могу. Так, И. Л. Петрухин²³ предлагает полностью отказаться от прокурорского надзора над предварительным расследованием и передать полномочия прокурора суду. Обосновывается такая позиция тем, что суд не

²¹ Бецуков, А. З. Процессуальная самостоятельность следователя и судебный контроль за предварительным расследованием / А. З. Бецуков // Научный журнал КубГАУ. – 2014. - № 103 (09). – с. 919

²² О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru>.

²³ Петрухин, И.Л. Частная жизнь (правовые аспекты) / И. Л. Петрухин // Государство и право. - 1999. - №1. - С.45-48.

связан ведомственными интересами, независим, не несет ответственности за раскрытие преступлений.

На мой взгляд, нет смысла в таком реформировании. Во-первых, передача полномочий суду еще больше загрузит данный орган, основное назначение судов – правосудие – кто будет выполнять?! Во-вторых, если такое и произойдет, то на базе суда будет создан новый орган, который и будет осуществлять надзор за предварительным следствием, а работать там будут бывшие прокуроры, которые знакомы с этой деятельностью либо бывшие следователи по тому же принципу. В-третьих, спешу напомнить, что сейчас 2019, а не 1864 год. В защиту автора стоит отметить, что в то время, когда была написана данная статья, не произошло большее количество изменений, речь о которых идет в данной исследовательской работе.

Из своей практики обжалования бездействия следователя, заслуживает внимание следующая ситуация. У гражданина Ч. строился частный жилой дом, 02 апреля 2019 года произошел пожар. 02 мая 2019 года было возбуждено уголовное дело по факту поджога, однако до настоящего момента следователем не производились следственные и иные процессуальные действия. Стоит отметить, что следователь не выехал на место происшествия, не опросил очевидцев, более того, пострадавший вовсе не признан потерпевшим в рамках настоящего уголовного дела, не произведен его опрос на стадии предварительной проверки, гражданин Ч. не допрошен, следователь избегает представителей гражданина Ч. и отказывается приобщать к материалам дела доказательства, свидетельствующие о наличии судебного спора между гражданином Ч. и подрядчиком, производившим строительство дома, который не исполнил свои обязанности. Гражданин Ч. неоднократно обращался с жалобой на бездействие следователя в порядке 124 Уголовно-процессуального кодекса РФ к руководителю следственного органа и прокурору. Данные жалобы были удовлетворены, следователю было предписано устранить нарушения, однако со стороны следователя действий, направленных на изменения ситуации не последовало.

В связи с чем, в районный суд была направлена жалоба на бездействие следователя. Постановлением от 15 апреля 2020 года суд обосновал бездействие следователя положениями статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса РФ и не признал бездействие незаконным.

3. Последующий судебный контроль в судебных стадиях уголовного судопроизводства, имеющий также ретроспективное действие и заключающийся в обнаружении нарушений, допущенных во время предварительного расследования. Статья 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в рамках предварительного слушания устанавливает несколько оснований для возвращения уголовного дела прокурору в виду его некачественного надзора за предварительным следствием и аналогичной работой следователя. Так, согласно пункту 1 части 1 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ судья по ходатайству стороны или по своей инициативе возвращает уголовное дело прокурору в случае, если обвинительное заключение составлено с нарушений требований Уголовно-процессуального кодекса РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или иного решения. В соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ, уголовное дело возвращается прокурору в случае, если копия обвинительного заключения не была вручена обвиняемому, за исключением ситуаций, когда суд признает законным и обоснованным решение прокурора, принятое и им в порядке части 4 статьи 222 или части 3 статьи 226 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. А также судья возвращает уголовное дело прокурору согласно пункту 3 части 1 статьи 237, пункту 5 части 1 статьи 237 и пункту 6 части 1 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Стоит также отметить, что следователь не вправе обжаловать судебные постановления.

Кроме того, хотелось бы обратиться к вопросу о персональной ответственности следователя за действия (бездействия) при осуществлении предварительного расследования. Следователь, как фигура самостоятельная,

несет и ответственность как за результаты предварительного следствия, так и за результат рассмотрения уголовного дела, находившегося в его производстве, в суде.

Решением Советского районного суда Архангельской области от 15 апреля 2019 года были удовлетворены иски Министерства финансов РФ к следователю Следственного комитета РФ о взыскании в порядке регресса 94 000 (девяносто четыре тысячи) рублей. Данное решение ответчиком было исполнено.

Требования для обращения к следователю Г. были основаны на исполненном решении Ленинского районного суда города Астрахани о взыскании с Министерства финансов РФ в пользу К.В. в счет компенсации морального вреда в результате незаконных действий следователя Г., также были взысканы судебные расходы по оплате услуг представителя.

Незаконные действия следователя выразились в необоснованном обозначении обнаруженного при пожаре трупа анкетными данными К.В., тем самым были нарушены личные неимущественные права последнего.

При рассмотрении спора по существу, судом первой инстанции было установлено, что при проверке сообщения о пожаре с трупом женщины следователем Г. достаточных мер по установлению личности трупа не предпринято, опознание не произведено, рапорт о проживании К.В. по улице Донбасская не соответствовал действительности, представлены не соответствующие действительности сведения о личности трупа, впоследствии следователем Г. вынесено незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти К.В., что повлекло внесение в книгу записей актов гражданского состояния записи о смерти К.В.

Г., не согласившись с постановленным решением, обратился с апелляционной жалобой на решение суда, считая его подлежащим отмене в связи с необоснованностью заявленных требований к нему, как лицу, который уже не является сотрудником Следственного комитета.

Апелляционным определением Астраханского областного суда по гражданскому делу № 33-2344/2019 Решение Советского районного суда города Астрахани было оставлено без изменения, жалоба Г. без удовлетворения.

В данном случае сложно возразить, действительно имелись основания для удовлетворения исковых требований Министерства финансов РФ.

Чего не скажешь о решении, изученном И. А. Антоновым²⁴: «В первом изученном нами случае следователь при наличии (по его мнению, основанному на имеющихся в уголовном деле материалах) обстоятельств, не терпящих отлагательства, в целях не допустить сокрытие доказательств виновности лица в совершении преступления вынес постановление о производстве обыска в жилище в порядке, определенном статьей 165 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и произвел его без судебного решения, в последующем уведомив, как того требует закон (часть 5 статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса РФ), прокурора и судью. Судом принятое следователем решение было признано законным и обоснованным. Вместе с тем, при обжаловании вышеназванных решений было принято противоположное решение, а в пользу лица, у которого был произведен обыск, была взыскана определенная сумма в счет возмещения ущерба. В свою очередь, Министерство финансов РФ, выплатившее установленную судом сумму, отстаивая интересы бюджета страны, обратилось в суд с регрессным иском к следователю о возмещении затраченных на возмещение ущерба, причиненного лицу в результате производства следственного действия, денежных сумм. Суд удовлетворил исковые требования Министерства финансов РФ. Вся сумма была взыскана со следователя».

Данная ситуация представляется достаточно странной, следователь действовал в рамках закона, уведомил должностных лиц, производил неотложные следственные действия, действовал в рамках процессуальной самостоятельности.

²⁴ Антонов И. А. Работа следователя: противоречия процессуального положения решаемых задач и ответственности / И. А. Антонов // Российский следователь. – 2019. – № 7. – С. 17.

Однако сложно дать правовую оценку обоснованности решения суда, так как автор не приводит ни текста судебного акта, ни его реквизитов. По данной фабуле в справочно-правовой системе не было найдено такого акта. Но если не ставить под сомнение существование такого судебного решения и принять все изложенные И.А. Антоновым факты за действительные, то возникает очень много вопросов, связанных с ограничением процессуальной самостоятельности следователя.

Здесь сложно не согласиться с эмоциональным высказыванием автора: «Раз только следователь отвечает, в том числе материально, за все производство по уголовному делу, то какое право (в том числе моральное) есть у руководителя следственного органа и у прокурора давать следователю указания, в том числе обязательные к исполнению?».

Существуют и решения судов, в которых отказано во взыскании денежных средств со следователя в порядке регресса. Так, например, Решением Белгородского районного суда Белгородской области по делу № 2-1200/2019, было отказано в удовлетворении исковых требований Министерства финансов РФ к следователю С.В. о взыскании материального ущерба в порядке регресса.

Как и в приведенной ранее ситуации, в данном случае с Министерства финансов был взыскан моральный и имущественный ущерб лицом, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, а затем прекращено. Несмотря на это, суд не установил незаконность действий или бездействий следователя С.В., поэтому оснований для регресса не усмотрел.

Стоит отметить, что из содержания Решения следует, что старший следователь подполковник юстиции С.В., на момент рассмотрения гражданского дела о взыскании с него денежных средств в порядке регресса, был уже бывшим следователем. Остается только догадываться, самостоятельно им было принято такое решение или руководством.

В связи с изложенным, следователя нельзя назвать «центральной фигурой предварительного следствия». Получается, что, с одной стороны, процессуальная самостоятельность следователя ограничена множеством

факторов, рассматриваемых в разных параграфах настоящего исследования, ограничивает свободу действия или, наоборот, не совершения каких-либо действий, а с другой: «Несмотря на согласование своих действий с руководителем следственного органа, с прокурором, несмотря на принятие итоговых решений по уголовному делу судьей, только следователь несет всю полноту ответственности за принимаемые решения, за проводимые следственные и иные процессуальные действия, в том числе сопряженные с ограничением прав и свобод личности»²⁵. Логичность и последовательность законодателя усмотреть в данном случае трудно.

Таким образом, судебный контроль существенно ограничивает пределы процессуальной самостоятельности следователя. В данном параграфе, в отличие от двух предыдущих, не было уделено значительное внимание отсутствующей возможности следователя обжаловать постановления суда. На мой взгляд, это излишне. Судья является наиболее квалифицированным участником уголовного судопроизводства и в связи с этим, считаю, что компетенций любого судьи достаточно, чтобы законно и обоснованно принять решение в рамках судебного контроля над предварительным следствием.

Также хотелось бы добавить, что установление судебного порядка согласования определенных следственных и иных действий процессуального характера абсолютно верное и не посягающее на процессуальную самостоятельность следователя, ведь в вопросах лишения или ущемления конституционных прав граждан уполномочен только суд и только в установленных законом случаях.

²⁵ Антонов И. А. Работа следователя: противоречия процессуального положения решаемых задач и ответственности / И. А. Антонов // Российский следователь. – 2019. – № 7. – С. 18-19.

Заключение

В заключение, необходимо обратиться к поставленной в начале работы цели и задачам.

Считаю, что посредством выполнения задач была достигнута цель настоящей работы.

Так, в параграфе 1.1 был приведен анализ многочисленных мнений на понятие и содержание процессуальной самостоятельности. С помощью различных методов исследования было дано понятие рассматриваемого термина. Были предложены изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

Важнейшим вопросом для понимания сущности процессуальной самостоятельности следователя оказался вопрос о пределах рассматриваемого понятия. Как было рассмотрено, законодатель не предоставляет дефиницию названных понятий, что порождает огромное количество взглядов на рассматриваемые вопросы, причем зачастую неверных. В параграфе 1.2 была решена соответствующая задача.

По моему мнению, задачи, поставленные перед проведением исследования, относящиеся к главе 1, выполнены, что позволило без особого труда ориентироваться в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, нарушающих или гарантирующих процессуальную самостоятельность следователя.

Для исследования взаимодействия следователя и прокурора и его влияния на процессуальную самостоятельность, было проанализировано большое количество позиций различных авторов по указанному вопросу. Были установлены серьезные нарушения процессуальной самостоятельности следователя при взаимодействии этих двух названных участников уголовного судопроизводства, непоследовательность по данному вопросу, а также предложена редакция ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Наиболее ограничивающими процессуальную самостоятельность

следователя было признано отсутствие самостоятельного механизма обжалования решений прокурора, а также ограниченный перечень таких решений, которые возможно обжаловать в установленном законом порядке.

Как известно, наиболее часто следователь взаимодействует с руководителем следственного органа, при осуществлении своих полномочий. В параграфе 2.2 были установлены пробелы в законодательстве, а также сделан вывод о том, что не так уж и однозначно: нарушает или нет непосредственный начальник процессуальную самостоятельность своего подчиненного. Согласно выводам параграфа, наиболее существенное ограничение заключается в отсутствии полномочий у следователя обжаловать решения руководителя следственного органа, что представляется неправильным и непременно требует изменений в уголовно-процессуальном законодательстве.

В заключительном параграфе была решена последняя задача, поставленная в начале проведения настоящего исследования. Взаимодействие следователя и суда оказалось весьма не однозначным. С одной стороны, прослеживаются явные нарушения процессуальной самостоятельности следователя, а с другой, деятельность суда устанавливает пределы процессуальной самостоятельности и связана с принятием законных и обоснованных решений относительно действий следователя, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Была достигнута цель работы, а именно была исследована процессуальная самостоятельность следователя и факторы, ограничивающие ее в уголовном процессе, а также сформулированы предложения по совершенствованию ключевых положений уголовно-процессуального законодательства.

Как было выяснено, укрепление процессуального статуса следователя, его процессуальной самостоятельности и независимости является важнейшим элементом успешного предварительного расследования преступлений. Следователь, как ключевая фигура предварительного следствия, должен быть

непредвзятым, действующим на основании внутреннего убеждения, основывать свою деятельность на собственных, принимаемых самостоятельно, решениях, а не на «спущенных сверху» указаниях.

В отсутствие процессуальной самостоятельности следователь превращается в писаря, курьера по доставке уголовных дел в прокуратуру, помощником или обеспечивающим специалистом руководителя следственного органа. Если уменьшать процессуальную самостоятельность, то желания выпускников юридических ВУЗов поступать на службу в органы следствия снизятся. Уровень кадров будет стремительно падать и в конце концов, уже через 3-5 лет, на службу в органы предварительного следствия будут «набирать» людей без юридического образования.

Таким образом, не стоит недооценивать значимость процессуальной самостоятельности следователя. Законодателью совместно с правоприменителями и теоретиками необходимо разработать единую стратегию, касающуюся вопросов процессуальной самостоятельности, потому что на данный момент складывается впечатление, что он отсутствует.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : утв. ВС РСФСР 27.10.1960 ред. 18.05.1995. // Справочно-правовая система «Законодательная база Российской Федерации». – Режим доступа: <https://zakonbase.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2001. № 174-ФЗ ред. от 01.04.2019. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://consultant.ru>.
3. О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://consultant.ru>.
4. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Электронный ресурс] : Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 03.06.2011. № 162 // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru>.
5. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru>.
6. Клейн, А. А. Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователя органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.09 / Андрей Александрович Клейн. – Москва, 1992. – 26 с.
7. Степанов, Б. Б. Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений (сравнительно-исторический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Степанов Борис Борисович. – Нижний Новгород, 2006. – 26 с.

8. Вартанов, А. Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук : 12.00.09 / Вартанов Артюн Рафикович. – Краснодар. – 2012. – 23 с.

9. Огородов, А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : монография / А. Н. Огородов. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2018. – 173 с.

10. Бегиев, Х. Б. Право на обжалование решений прокурора и руководителя следственного органа как гарантия соблюдения процессуальной самостоятельности следователя / Х. Б. Бегиев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. - № 1. – С. 82-87.

11. Арсенова, Т. Б. Процессуальная самостоятельность следователя: понятие и пределы / Т. Б. Арсенова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. - № 6. С. 74-77

12. Шумилин, С. Ф. Полномочия следователя: механизмы и проблемы реализации / С. Ф. Шумилин. – Москва: Издательство «Экзамен», 2006. – 382 с.

13. Корнакова, С. В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации / С. В. Корнакова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. - № 1. – С. 113-121.

14. Гаврилов, Б. Я. Усовершенствование предварительного следствия (с позиции Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ / Б. Я. Гаврилов // Уголовный процесс. – 2007. - № 9. – с. 14.

15. Уланов, В. В. Самостоятельность и независимость следователя при осуществлении процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве / В. В. Уланов // Вестник Восточно-сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Иркутск). – 2012. - № 2 (61). – с. 38-43.

16. Хамгоков, М. М. Проблемы руководства следователем, членом следственной группы / М. М. Хамгоков // Закон и право. – 2008. - № 11. – с. 65-

66

17. Травников, Н. О. «Предел» и «ограничение» в праве: теоретико-правовой анализ понятий / Н. О. Травников // Государство и право. - 2017. - № 7. – с. 104-109
18. Бобырев, Е. О. Пределы усмотрения следователя, как элемент его процессуальной самостоятельности в условиях относительной определенности предписаний уголовно-процессуального права / Е. О. Бобырев // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2015. - № 5. – с. 49-54.
19. Стольников, П. М. Усмотрение следователя и границы его процессуальной самостоятельности / П. М. Стольников // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право. – 2016. - № 3 (20). – с. 103-108.
20. Петрухин, И.Л. Частная жизнь (правовые аспекты) / И. Л. Петрухин // Государство и право. - 1999. - №1. - С.45-48.
21. Бецуков, А. З. Процессуальная самостоятельность следователя и судебный контроль за предварительным расследованием / А. З. Бецуков // Научный журнал КубГАУ. – 2014. - № 103 (09). – с. 908-922.
22. Мкртчян В. Г. Процессуальная самостоятельность следователя [Электронный ресурс] / В. Г. Мкртчян // Право: история, теория, практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). — СПб.: Свое издательство, 2015. — С. 126-129. — Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/142/8441/>.
23. Антонов И. А. Работа следователя: противоречия процессуального положения решаемых задач и ответственности / И. А. Антонов // Российский следователь. – 2019. – № 7. – С. 15–19.
24. Марковичева Е. В. Защита прав участников процесса при осуществлении судебного контроля за процессуальным усмотрением следователя / Е. В. Марковичева, П. М. Стольников // Вестник Томского государственного университета. – Томск. – 2020. – № 35. – С. 103-111.

25. Скоропупов Ю. И. К вопросу о состязательности и её законодательном совершенствовании в досудебной стадии уголовного процесса / Ю. И. Скоропупов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – Тула. – 2020. – № 1. – С. 161-167.

26. Шишкина Е. В. Условия эффективности следственных действий / Е. В. Шишкина // Российское право: Образование. Практика. Наука. – Екатеринбург. – 2020. – № 1. – С. 17-26.

27. Корнакова С. В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации / С. В. Корнакова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – Тюмень. – 2018. – № 1 (43). – 113-121.

28. Антонов И. А. Процессуальная самостоятельность следователя сквозь призму правоприменительной практики / И. А. Антонов // Общество и право. – 2019. – № 2 (68). – С. 57-61.

29. Стольников П. М. Проблемы обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе / П. М. Стольников // Юридический вестник Самарского университета. – Самара. – 2018. – № 2 (том 4). – С. 148-153.

30. Бислан Е. Ч. Процессуальная самостоятельность следователя как одна из составляющих в обжаловании решений прокурора / Е. Ч. Бислан // Вестник экономической безопасности. – Москва. – 2020. – № 4. – С. 184-188.

31. Победкин А. В. Авторитет следователя как средство обеспечения публичности уголовного судопроизводства / А. В. Победкин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – Казань. – 2019. – № 1 (35). – С. 81-87.

32. Левченко О. В. Применение лицом, производящим расследование, собственного усмотрения как гарантия процессуальной самостоятельности / О. В. Левченко, В. А. Попов // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 3 (40). – С. 85-89.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический институт
кафедра уголовного процесса и криминалистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
А.Д. Назаров
подпись
« 07 » 07 2020г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 «Юриспруденция»

Процессуальная самостоятельность следователя: в законе и на практике.

Руководитель

О.Г. Иванова

ст. преподаватель, к.ю.н.

О.Г. Иванова

подпись, дата

должность, ученая степень

инициалы, фамилия

Выпускник

Н.А. Беляев 08 07 20
подпись, дата

Н.А. Беляев

инициалы, фамилия

Красноярск 2020